

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертационном исследовании **П.В. Гращенкова**
«Композициональность в лексической и синтаксической деривации
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертационное исследование Гращенкова Павла Валерьевича посвящено **проблеме** композициональности в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков. «С понятием композициональности связаны две ключевые проблемы: i) насколько последовательны правила соединения простых значений в сложное и ii) как эти правила связаны с языковой структурой» – пишет автор работы (с. 12). Именно эти два аспекта и стоят в центре данного исследования.

Можно только согласиться с автором, что «сложнее всего получить представление об очевидном. Композициональность в лингвистике – то самое очевидное: любой учебник иностранного языка предполагает, что выучив два различных правила (например, использования числительных и согласования сказуемого с подлежащим) мы сможем применить их последовательно и получить предсказуемый результат... Однако постановка вопроса о применимости принципа композициональности и его «сфере действия» в языке была лишь вопросом времени. Это время наступило около полувека назад, когда в теории языка появилась идея о врожденной языковой способности. Если такая способность существует, композициональность, очевидно, должна быть связана с ней самым непосредственным образом. Композициональность, безусловно, должна быть среди тех механизмов, которые помогают ребенку осваивать язык наиболее оптимальным образом».

Сложной композициональной организацией могут обладать не только словоформы, но и лексемы. Подобная гипотеза, уходящая корнями в 80-е годы прошлого века, сегодня связана с целым семейством подходов, которое можно было бы обозначить как теорию Лексической декомпозиции (Lexical Decomposition). Согласно такому подходу, лексическое значение, например, глагола неэлементарно и состоит из набора регулярных компонентов, которым соответствуют элементы аргументной и событийной структуры глагола. В российской науке подобный подход имплементировался Ю.Д. Апресяном в «Лексической семантике» (1974), которая предвосхитила многочисленные варианты декомпозиционных подходов, столь бурно развившихся впоследствии в западной лингвистике.

Актуальность и своевременность исследования композициональности в лексике и грамматике на материале языков различных систем не вызывает сомнения. Несмотря на принятие композициональности как одного из основных принципов организации языка, среди лингвистов есть немало скептиков в данном вопросе. Наиболее мощным источником скептицизма относительно композициональности являются лингвисты, работающие в парадигме так называемой Грамматики конструкций (Construction Grammar). Вопрос о применимости принципа композициональности, таким образом, стал более чем актуален для современной лингвистики.

Актуальность эта имеет значение и для практических целей автоматического анализа и извлечения информации из текстов на разных языках. Будучи задействованным в различных проектах такого рода, автор диссертации неоднократно сталкивался с вопросом о том, какие именно методы дают наиболее эффективный и быстрый результат, какие алгоритмы демонстрируют лучшее качество анализа и являются наименее ресурсоемкими и наиболее производительными и т.д.

К несомненной **научной новизне** данного исследования следует отнести тот факт, что до данного исследования вопрос о возможности последовательно композиционного описания языка – от лексики до синтаксиса, – никогда прежде не становился специальной темой обширного научного исследования, а применимость принципа композиционности никогда прежде не была исследована на материале различных конструкций разноструктурных языков, объединенных лишь тем, что все они бросают вызов этому принципу.

Впервые автором сделано также описание частных проблем современного частного языкознания: i) подробное исследование синтаксиса осетинских сложных предикатов; ii) изучение регулярных правил, действующих при образовании сложных слов и их сопоставление с правилами синтаксиса; iii) изучение грамматической семантики и синтаксиса тюркских конструкций со вспомогательными глаголами; iv) исследование синтаксиса и семантики русского генитива качества; v) изучение природы и свойств русских обособленных оборотов; vi) описание синтаксической структуры русских компаративов; vii) исследования типов управляющих русских адъективных лексем и их свойств.

Теоретическая и практическая значимость данного исследования заключается в том, что возможность взгляда на язык как последовательно композиционное явление имеет сразу несколько важных следствий для теории языка. Композиционность влечет за собой признание существования в языке регулярных правил композиции. Эти правила должны обладать такими свойствами как бинарность и рекурсивность с одной стороны и иметь стандартные принципы интерпретации с другой. Я полностью согласна с автором в том, что мы тем самым получаем некоторое важное свидетельство существования у человека языковой способности, специфической именно для языка и не связанной с другими когнитивными механизмами (логическим мышлением, способностью к метафоре и метонимии и т.д.), комбинировать однотипные элементы и создавать из них все бесконечное множество высказываний, наделяя такие высказывания интерпретацией. Такое «универсальное механизированное» средство, выделяющее человека в отдельный биологический вид, помогло бы в числе прочего объяснить парадоксально быстрое и «качественное» усвоение языка ребенком и отсутствие генетической предрасположенности к конкретному языку у того или иного этноса.

Практическая ценность данного исследования связана с применением лингвистической теории к решению задачи извлечения информации из неструктурированных текстов на естественном языке. Если язык последовательно композиционен, задача автоматического анализа любого конкретного языка разрешима в конечные временные рамки. Автоматический анализ любого естественного языка в таком случае сводится к составлению словаря и написанию ограниченного количества продуктивных правил, соответствующих различным языковым уровням и описывающим различные поверхностные явления.

Целью работы являлось изучение вопроса о применимости принципа композиционности в тех случаях, когда языковое выражение не выглядит результатом последовательной композиции своих частей. Во многих подобных случаях в лингвистике прочно закрепился термин «конструкция»: сериальная конструкция, сравнительная конструкция и т.д. Павел Валерьевич убедительно показывает, что как минимум в тех языковых явлениях, которые получили освещение в данной диссертации, термин «конструкция» является описательным ярлыком, а не теоретическим инструментом.

Попутно решалась и задача проведения правильных границ между лексическим и синтаксическим компонентами. Стандартная точка зрения состоит в том, чтобы идиосинкретичность, некомпозиционность значений связывалась с лексиконом, а регулярность семантической композиции – с синтаксисом. С такой моделью полемизирует Грамматика конструкций, в которой синтаксису как бы нет места. Согласно Грамматике

конструкций, язык практически целиком представляет собой «лексикон», где представлены единицы различных уровней, в том числе и конструкции. Другая крайность – модели типа Распределенной морфологии, где предельно «сжата» словарная область, а синтаксис оперирует уже внутри словоформ.

Павел Валерьевич предлагает перейти к такому варианту взаимодействия лексикона и синтаксиса, который основывается на «стандартном» понимании разделения труда между лексиконом и синтаксисом. Его подход, однако, предполагает некоторое умеренное «вторжение» синтаксиса в область лексикона. А именно, часть лексических единиц получается регулярным способом по правилам, аналогичным синтаксическим. Такие новообразованные элементы не попадают сразу в синтаксическую деривацию, а становятся частью лексикона – в этом отличие нашего подхода от моделей типа Распределенной морфологии. С таким «расширенным» вариантом лексикона и имеют дело синтаксические правила, порождающие неограниченное количество высказываний на основе единиц лексикона.

Частными целями диссертации были следующие: i) показать, что исследуемые грамматические явления последовательно композициональны и ii) установить верную границу между языковыми правилами и элементами, с которыми они оперируют. Для достижения этих целей ставилась задача систематического исследования материала разноструктурных языков и их описания в терминах формального синтаксиса, а также посредством методов синтаксической типологии и сопоставительной лингвистики. В работе использовался формальный аппарат, принятый в современной версии порождающей грамматики, – так называемая Минималистская программа.

Думается, что автор блестяще достиг глобальной цели работы и описал целый ряд сложных языковых явлений в композициональных терминах. Данное исследование хорошо вписывается в контекст подобных исследований на передовом рубеже российской лингвистической науки, активно проводящихся в последние годы в нашей стране: анализ тех или иных аспектов морфологии и синтаксиса отдельных языков с позиций композициональной организации семантического и морфосинтаксического компонентов, см. [Лютикова и др. 2006] о структуре события в карачаево-балкарском языке, [Пазельская 2006] о русской номинализации, [Татевосов 2010] об акциональной композиции в русском, тюркских и других языках.

Материал, объект и методы исследования полностью соответствуют поставленным целям и задачам исследования. Существенная часть данных была получена автором методом грамматического анкетирования в рамках полевых исследований. В диссертацию вошли результаты полевого анкетирования по багвалинскому языку, мишарскому диалекту татарского языка, чувашскому, карачаево-балкарскому, тубаларскому, осетинскому и бурятскому языкам.

Другим методом сбора языковых данных был подход в парадигме «Веб как корпус», а также по имеющейся у автора коллекции русской литературы 19-20 вв. Важным методологическим инструментом был анализ отрицательного языкового материала. Чаще всего такой материал получался либо изменением структуры найденных в интернете или коллекциях текстов примеров, либо конструированием неграмматичных примеров с последующим сбором мнений носителей.

Второй вариант использования интернета в качестве источника лингвистических данных предполагал сбор текстов на языке-объекте в интернете посредством употребления наиболее частотных и характеристических слов данного языка: фильтрацию дубликатов; частичную разметку текста. Подобным образом были получены и проанализированы данные казахского, киргизского и осетинского языков (ни один из них не обладал доступным корпусом к моменту проведения исследования). Часть русских данных была получена с помощью Синтаксического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

В диссертации подробно проанализированы следующие грамматические явления:

- i) словосложение в русском языке (преимущественно на материале прилагательных);
- ii) сложные глаголы осетинского языка;
- iii) тюркские составные глагольные лексемы со значением 'образ действия – результат';
- iv) тюркские сериализации;
- v) различные контексты употребления прилагательного в русском языке (предикативный, компаративный, атрибутивный и т.д.).

Особое внимание было уделено последовательной композиционности в лексиконе, а также некоторым нарушениям композиционности в морфосинтаксисе, в частности; нетождественности значений целого и частей, которую можно наблюдать в так называемых сериальных конструкциях или конструкциях со вспомогательным глаголом в тюркских языках. Ряд тюркских глагольных лексем при сочетании с другими глагольными единицами может менять значение и функции. Возможен и случай, когда значения сложного элемента меньше значения частей, из которых он составлен. Примером подобного отклонения от композиционности, как показано в работе, являются тюркские сложные глаголы, составленные из лексем образа действия и результата. Сочетание таких глаголов в тюркских языках фактически представляет новую лексему: главное свойство, отличающее подобные образования от свободной комбинации глаголов – однособытийность.

Другой класс случаев некомпозиционности указанного типа связан с так называемой сферой действия элементов синтаксической структуры:

мишарский:

su kajnat-e-p ter-e-l-de.

вода греть-ST-CONV стоять-ST-PASS-PST

'Вода кем-то кипятилась.' – показатель пассива в данном примере располагается на сериализаторе, выражающем лишь видовременное значение и не связанном с аргументной структурой предикации, задаваемой глаголом 'кипятить', но его действие распространяется на лексический глагол.

Применённый в диссертации метод исследования сводился к анализу синтаксической и семантической структуры ареально и генетически далеких языков. Отдельные результаты представлены в терминах так называемой Минималистской программы.

Отдельно хочу отметить прекрасное владение автором современными теориями лингвистического анализа, опору на обширнейший научно-теоретический аппарат исследования как на русском так и на иностранных языках. Жаль только, что автор привлек не в полной мере к анализу материал по тюркским серийным конструкциям и сложным глаголам сибирских тюркских языков, в частности, алтайского (работы М.И. Черемисинной), шорского (Н.Н. Широбоковой и Н.Н. Курпешко), тувинского (работы Л.А. Шаминой).

Положения, выносимые автором на защиту, отражают основные новые результаты, полученные автором. Удивительным образом некоторые из них кажутся почти что тривиальными и традиционными, что напоминает нам о том, что трудно доказать якобы очевидные вещи:

1. Принцип композиционности применим к словарю. Существуют элементы лексикона, представляющие собой результат действия регулярных правил построения и интерпретации.

2. Значение глагольной лексемы представимо как результат комбинации некоторых элементарных значений, которые могут иметь самостоятельное выражение вне данной лексемы.

3. Традиционное понятие синтаксической валентности может быть представлено в конфигурационных терминах. Основные участники события: подлежащее, прямой объект,

а также бенефактивный / аппликативный участник заполняют узлы проекции одних и тех же типологически универсальных структур, с которыми они ассоциированы в различных языках мира.

4. Для объяснения многих явлений из области морфосинтаксиса (например, сериальных конструкций, сравнительных конструкций и т.д.) нет необходимости прибегать к конструкциям как теоретическому аппарату лингвистики. Подобные языковые явления представляют собой результат последовательного применения правил синтаксической и семантической композиции. Термин «конструкция» не имеет статуса теоретического инструмента и является описательным.

5. Лексемы обладают информацией о принадлежности к определенной части речи уже в самом начале синтаксической деривации. В рамках некоторых формальных парадигм принят подход, согласно которому корни акатегориальны и снабжаются информацией о частеречной принадлежности в процессе построения высказывания. В диссертации показано, что это не так и сведения о категориальной принадлежности востребованы уже на уровне морфем.

6. Синтаксическая деривация на всех этапах порождения высказывания носит бинарный характер. Принципу бинарности подчиняются как элементы «лексического синтаксиса», т.е. регулярные словообразовательные паттерны, так и составляющие, формирующие собственно синтаксическую структуру.

7. Причиной кажущихся отклонений от композициональности часто становятся диахронические процессы. Многие языковые явления демонстрируют не нарушение принципа композициональности, а осуществляющийся процесс перехода от одного типа структуры (например – отсутствие сериальных конструкций, биклаузальность) к другому (появление в языке сериальных конструкций, моноклаузальность). Процесс подобной диахронической перестройки простой предикации синхронно связан с явлением реструктурирования.

8. В основе синтаксической структуры ядерных единиц класса прилагательных лежат те же принципы построения, что и в основе глагольной структуры. Прилагательное является стативным предикатом, проецирующим свой субъектный аргумент в синтаксисе.

Структура. Изложение материала автором в основных частях работы очень хорошо продумано и структурировано. Диссертация состоит из Введения, двух частей, заключения и двух приложений. Во Введении обосновывается актуальность исследования, ставятся основные задачи и формулируются базовые принципы работы. Первая часть посвящена изучению проблемы композициональности в лексиконе и включает три главы. Первая глава посвящена русским сложным словам и атрибутивам тюркских, монгольских и нахско-дагестанских языков, во второй анализируется структура осетинских сложных предикатов, в третьей – внутренняя организация и некоторые дистрибутивные свойства тюркских глаголов со значением ‘образ действия – результат’. Во второй части, состоящей из двух глав, проводится исследование глагольных и адъективных проекций. Первая глава посвящена исследованию взаимодействия тюркских глаголов-сериализаторов и показателей актантной деривации и отрицания. Во второй главе освещены различные проблемы русского адъективного морфосинтаксиса. В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования.

Хочется привлечь особое внимание к приложениям, которые имеют самостоятельную научную и практическую ценность. Приложение 1 описывает основные принципы сбора и анализа языковых данных методом «Веб как корпус». Приложение 2 содержит прототип системы автоматического анализа русских сложных слов и его краткое описание.

Мы не будем анализировать каждое структурное подразделение данной работы по отдельности из соображений объёма рецензии, ограничимся только тем замечанием, что эта структура работы полностью оправдана поставленными целями и задачами исследования и даёт очень точное представление о позициях автора, которые отражены в

работе очень целенаправленно, детально и последовательно. В дальнейшем в нашем анализе работы мы будем обращаться в основном к алтайскому материалу.

Первым объектом анализа являются образования с комитативным или совместным показателем в бурятском (-*ТАу*) и тюркских (-*Llg/-Ll*) языках. Наряду с ними большинство монгольских и тюркских языков обладает и каритивным (привативным, абессивным показателем) -*siz/-siz*. Попутно отметим, что далеко не все тюркские языки последним обладают. Тюркские языки Сибири, в том числе и шорский, на который в работе ссылается автор, синтетическим каритивным показателем не обладают, а образуют привативные прилагательные с помощью отрицательной частицы *yog/çoq*, восходящей к именному предикату отсутствия (со значением «отсутствующий»).

В грамматиках тюркских языков комитативные маркеры достаточно единодушно принято называть деривационными суффиксами прилагательных. То исключение, на которое ссылается автор, – это грамматическое описание чувашского языка, где показатель -*siz/-siz* считается падежным. А вот чувашский показатель совместного падежа -*pa/-pe*, -*pala/-pele*, -*palan/-pelen* не имеет с комитативом на -*Llg* ничего общего, так как он восходит к общетюркскому послелогу *birle(n)*, который во многих современных тюркских языках синтезируется в совместно-инструментальный падеж. Т.е. в тюркских языках может быть 2 разных аффикса (если послелог уже синтезировался) с комитативным значением – соответствие общетюркскому аффиксу -*Llg* или соответствие общетюркскому послелогу *birle(n)*.

Позже, на стр. 96, автор сам приходит к выводу: «... в чувашском языке ... показатель каритива один и для приименного, и для прилагательного употребления, в то время как показатели комитатива различаются. Атрибутивно, т.е. при существительном, используется -*lǎ/-lě* (*vǎilǎ* – ‘сильный’), а в роли адьюнкта / сирконстанта – -*na/-ne* (*vǎina* – ‘силой’, ‘с силой’)». Да, это действительно 2 разных показателя, первый восходит к -*Llg*, а второй к *birle(n)*, что мы и находим в большинстве тюркских языков. То, что чувашский комитатив является падежом, бесспорно. Именно так и оцениваются формы, восходящие к *birle(n)*, и в большинстве других тюркских языков.

Далее автор утверждает, что «тюркские и монгольские показатели комитатива и каритива объединяет с прилагательными то, что благодаря своей семантике они образуют значения, которые i) градуальны и ii) регулярно в языках мира выражаются прилагательными» (с. 94). Это не совсем так. В тюркских языках выделяются 2 типа образований с данными аффиксами – относительные прилагательные со значениями, «имеющий или не имеющий то, что выражено основой», и качественные, которые действительно градуальны. Мне представляется, что относительное прилагательное было предшествующим этапом развития качественного, т.е. развитие их семантики шло по линии: «обладающий умом, с умом» – «умный». Противоположное направление развития мне представляется невозможным. Причем оба прилагательных от одной основы могут существовать в языке одновременно и они различимы только в контексте.

Видимо, изначально показатель -*Llg* мог быть падежным. В имеющихся древнетюркских источниках мы такого падежа не находим, но есть как бы его расширенная форма, т.е. показатели -*lġU /-lġUn*, встречающиеся в манхейстких текстах. В современном якутском языке есть совместный падеж -*Llġ*, который, возможно, восходит к данному древнему падежу.

Далее утверждается, что «тюркские производные с показателями комитативности и каритивности также могут принимать показатель -*raq/-rek*, употребляющийся и как маркер сравнительной степени, и как аттенуативный показатель». По моему мнению, в тюркских языках нет сравнительной степени прилагательных, сравнение выражается исходным падежом на стандарте сравнения, а прилагательное стоит в «положительной» форме. Частицы, которые считаются показателями сравнительной степени у прилагательных, являются, как правильно отмечено автором, аттенуативными.

Несомненным достижением работы является предложение автора различать 2 функции показателей *-Llg/-Ll* в тюркских языках – деривационную функцию адъективатора и словоизменительную функцию атрибутивизатора, – доказанными проведенным анализом. Конечно, это синхронный анализ, так как исторически, видимо, сначала древний падежный показатель *-Llg/-Ll* стал атрибутивизатором (его продукты соответствуют традиционно оцениваемым как относительные прилагательным), а затем уже приобрёл и деривационную функцию адъективатора (его продукты соответствуют традиционно оцениваемым как качественные прилагательным). Первый при этом не может образовывать градуальный признак, а второй – оформлять составляющую.

Очень интересные результаты принесло и обращение автора к директивным сложным глаголам (СГ) и сложным глаголам (СГ) образа/способа действия. Если директивные СГ выделяются постоянно как СГ, то глаголы образа/способа действия обычно не считаются СГ. Автор убедительно показал их однособытийность, а также их остальные свойства, доказывающие их композиционную природу. Хотелось бы поставить один вопрос. Есть ли отдельное ударение на каждом из компонентов? Обычно фонетическая единообразность также свидетельствует о лексикализации СГ. Так, за счет безударности первого компонента он может редуцироваться и даже превращаться в нечто вроде приставки: шор. *алып кел-* – *аккел-* – *акел-* – *эжел-* ‘приносить’.

Конструкции с сериализаторами рассматривались автором в терминах стандартной структуры простой предикации, прибегая к понятию «конструкция» только как к описательному. В ряде случаев, однако, тюркские сериализации «выбиваются» из стандартных представлений об устройстве простой предикации. Для этих случаев автор ввел понятие частичной грамматикализации. Прежде чем стать полноценным грамматическим показателем, т.е. занять вершину функциональной проекции, глагол теряет часть свойств, присущих лексической единице. На примере тюркских сериализаторов *nfr;t* показана грамматикализация аппликативов. Вершины, задающие бенефактивного участника, являются частью набора универсальных функциональных проекций. Все эти результаты являются новыми и значительными для алтайского языкознания.

В дальнейшем мы ограничимся только рядом, на наш взгляд, спорных моментов работы.

С. 96. Автор утверждает: «... прилагательные и наречия в тюркских и монгольских языках составляют одну часть речи». Это не так, уже в др.-тюрк. языке они были различными частями речи, так как имели уже свои собственные словообразовательные показатели наряду с основами прилагательных или наречий, которые часто оцениваются как «синкретичные», т.е. совмещающие 2 части речи в качестве своих лексико-семантических и грамматических вариантов, или же как образованные путем конверсии. В современных тюркских языках эти тенденции продолжали действовать, значительная часть лексикона сегодня однозначно относится либо к прилагательным, либо к наречиям.

С. 97: «Примечательно, что общетюркский атрибутивный комитатив *-лы* (и его фонетические варианты) также в свою очередь возводится некоторыми исследователями к древнетюркскому комитативу на *-лыг*, см. [СИГТЯ 1986: 39-40].»

Это, собственно, так и есть, некоторые тюркские языки потеряли конечное *-г* везде, это случилось и с данным показателем, т.е. это закономерное соответствие древнетюркскому комитативу на *-лыг*.

С. 97: «Итак, в чувашском, казахском (а также шорском и некоторых других тюркских языках) атрибутивный и сирконстантный комитатив различаются (см. примеры выше), а каритив совпадает.»

В сибирских тюркских, в частности, в шорском, нет общетюркского каритива. Но его функциональное соответствие, действительно, употребляется и в прилагательной, и в приименной позиции.

С. 98: Анастасия үн-сіз кал-ды.
Анастасия голос-ATR оставаться-PST
'Анастасия оставалась безмолвной.' (досл.: 'безмолвно осталась')

Почему «безмолвно осталась»? Я считаю, что тут предикатив при глаголе-связке – осталась безмолвной.

С. 99:
(1.117) казахский [интернет]
а. дала-лық және тау-лы пейзаж-дар
степь-ATR и гора-ATR пейзаж-PL
'степные и горные пейзажи'
б. дала және тау-лы флора-га
степь и гора-ATR флора-DAT
'степной и горной флоре'

Автор утверждает: «Отметим, что в последнем примере групповая флексия *-лы* заменяет суффикс *-лық*, употребляющийся с основой 'степь' при образовании значения 'степной'. Как нам кажется, возможность подобной замены в современном казахском свидетельствует о генетическом родстве двух аффиксов, точнее – об упоминавшемся уже развитии *-лығ* в *-лы*.»

В примере (1.117) нет атрибутивизатора на *дала*. Аффикс *-лік* является аффиксом, образующим абстрактные и коллективные существительные, т.е. *дала-лық* означает «степные места, степи». Это иной аффикс, который в прото-тюркском имел уже шумный *-к* на конце и его не лишился, так как отпал только слабый *-г*. Он сохранился практически во всех тюркских языках. В данном примере, также как и в последующем, мы имеем групповую флексию.

С. 102: Таблица 1.3. Свойства атрибутивных показателей.

Она не учитывает, что не все они образуют градуальные признаки.

С. 103: «Если вспомнить еще и о приглагольном употреблении, необходимо добавить и третий случай – собственно падежный маркер, имеющий аргументное и сирконстантное употребление. Естественно, что комитативный падежный показатель, отличный в казахском от атрибутивизатора и адъективизатора, также оформляет составляющие. Комитативные падежные формы на *-мен/-нен/-бен* при этом не могут образовывать градуальный признак, что, в частности, видно по их неспособности оформляться показателем сравнительной степени / аттенуатива.»

Это действительно именно падеж, его называют в грамматиках инструментальным падежом не случайно – именно его актантная функция как инструмента, наряду с комитативной и рядом других, и дала ему имя. Думается, что его становлению способствовал тот факт, что тюркские языки утратили и древний комитативный падеж и древний инструментальный падеж. Этот падеж заменил их обоих в большинстве тюркских языков, где он уже сформировался как падеж. Т.е. при анализе данного материала, как мне думается, нужно учитывать и фактор относительной стабильности тюркских падежных систем, т.е. при утрате одного показателя падежа ему со временем на смену приходит другой, который синтезируется из послелога.

С. 105: Таблица 1.4. Свойства тюркских и монгольских показателей комитатива и каритива (подробно). Автор утверждает, что «Все пространство возможностей, представленное в таблице выше, обслуживается в такой системе показателями *-лы/-сыз*».

Тут нужно учитывать как минимум 2 показателя комитатива в тюркских языках, т.е. учитывать и вновь сформировавшийся падеж, или же пока ещё послелог. Иначе эту таблицу можно неправильно понять. На с. 108 именно это и сделано.

С.: 106: «Как представляется, сирконстантное употребление является исходным. Это, как минимум, можно утверждать для каритивного показателя, который, скорее всего, развивается по модели адъективизатор – атрибутивизатор / падеж».

Думается, что было прямо противоположное развитие, т.е.: древний падеж – атрибутивизатор – адъективизатор.

То, что далее качественные прилагательные, выступая в прилагольной позиции, могут иметь функции наречия, или же конверсией от них образуются наречия, – это для тюркских языков естественно. Но я это считаю вторичным развитием.

С. 107: «В языках казахско-чувашского типа прилагольный комитатив уже стал морфологическим показателем (хотя и не везде гармонирующим), развившись при этом из послелога, а не из атрибутивного употребления.»

Думается, что и в случае с древним комитативом *-Llg/-LI* та же самая картина, просто мы застали момент, когда падежные функции угасают, если ещё совсем не угасли.

С. 250: «Сочинение также кодируется в тюркских языках п-конвербом.»
Не только! Слишком категорично.

С. 258 и др. Во всем разделе идет разноречивой терминов – глаголы образа действия или глаголы способа действия. Так способ или образ?

Для меня это способ действия. Глаголы образа действия имеют общие семы с глаголом, который они определяют. Они тоже однособытийны и настолько включены в структуру главного события, что невозможна трансформация с сочинительным союзом «и». Такой тест я применяла, описывая шорские деепричастия и их свойства и функции, в частности, функции деепричастия на *-(bl)n* в моей кандидатской диссертации: идти, прихрамывая – * идти и прихрамывать; говорить, заикаясь – * говорить и заикаться. Т.е. в описываемых конструкциях я бы всё же говорила бы о способе действия, который имеет каузальный элемент в своей семантике: пронзив, убить = заколоть (т.е. так как пронзил, убил). В образе действия нет каузального компонента.

С. 279

(3.61) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны өлтір-ді.

Отелло три минуты-LOC Дездемону убивать-PST.

‘Отелло за три минуты убил Дездемону.’

(3.62) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге түс-ті.

Белый дербник пол минут-LOC на.землю падать-PST.

‘Белый дербник за полминуты упал на землю.’

Есть сомнение, что такое прочтение временного обстоятельства тут возможно, со всеми вытекающими из этого следствиями. Мои информанты предположили, что Вам дали кальку с русского. А в корпусе такие примеры были? Их, я думаю, можно постараться найти.

С. 397: **Таблица 4.27.** Грамматические значения, передаваемые различными классами глаголов.

Таблица дана как бы для всех тюркских языков, но она в таком случае неполная. Например: глагол *ыс-* «посылать» в шорском и хакасском стал показателем – перфективатором, а не только результативом.

С. 347: «Разносубъектность допускается в следующих случаях. Субъект клаузы с конвербом и субъект финитной клаузы могут соотноситься как часть и целое, целое и часть, часть группы и группа и др.»

Описывая разносубъектность конструкций с деепричастием на *-(bl)n* в шорском языке (Nevskaya, I. A. (1988): *Deepričastie na -p kak komponent osložnennogo i složnogo predloženiya v šorskom jazyke. (The Shor converb -p as a component of semi-complex and complex sentences in Shor)*. In: *Komponenty predloženiya (na materiale jazykov raznyx sistem)*. Eds: Ćeremisina, M. I. et al. Novosibirsk, 154-169), я выделяла около десяти различных типов и подтипов таких конструкций, в частности, в дополнение к сказанному, описание природных состояний, течение времени и т.д.

Есть целый ряд замечаний по морфологическому анализу примеров, например:

1. Иногда аффиксы залогов анализируются, даже если не про них речь, а иногда – нет. Желательно быть последовательным. Аналогичная ситуация и с другими аффиксами, например, прош.вр.
2. В морфологическом членении последовательно отделяется первая гласная аффикса и глоссируется как глагольная основа.

Думается, что это очень неудачная практика. Дело в том, что основа глагола в тюркских языках совпадает с формой императива 2 л. ед. ч., а у имени с формой номинатива.

Можно было бы предположить, что выделение гласной аффикса как части основы или как «косвенной основы» делает описание тюркской морфологии более экономичным, по крайней мере, мне другая причина на ум не приходит. Но, думается, что это не так. Гласный, стоящий перед аффиксом, принадлежит аффиксу, определяя его гармонический класс. Есть аффиксы, которые отличаются только своей гласной и типом гармонии, к которой она принадлежит, ср. азерб. *-Ir* и *-Ar*, которые являются аффиксами настоящего и будущего времени соответственно. В карачаево-балкарском аффикс *-Ar* – это каузатив, а *-Ir* – аорист. Есть аффиксы, которые действительно не имеют гласной перед своим согласным, например, аффикс пр.вр. *-D*. Есть аффиксы, которые имеют вставочный согласный, который появляется только после гласной основы.

Если их всех причислять к основе, то возникает масса аффиксов – омонимов, которые нужно будет разводить. Возникает опасность перепутать эти аффиксы, что и произошло в данной работе: аффикс наст. времени *-й/A(ðbl)* в казахском постоянно анализируется автором как аффикс основы плюс прошедшее время: *-e-ði -ST-PST* (а частности, пример 3.2, с. 249). Да, компонент *-Dbl* выгядит как показатель прошедшего времени, но он не имеет к нему никакого отношения, Это синтезировавшийся глагол *тур-* «стоять, встать», который, в форме так называемого аориста *тур-ур*, синтезировавшись с конвербом на гласный лексического глагола и став гармоничным, образует форму настоящего времени. В примере 3.4, с. 249, *-й* – это показатель настоящего времени после отрицательной основы на гласную: не **кет-мей** уходить-NEG.3, а **кет-ме-й** уходить-NEG-PRS.3. Кстати, перевод данного примера у меня вызывает серьезные сомнения, я бы предположила, что тут «он, быстро зайдя, не уходит».

3. С. 250: джудуз-чукь-ла
звезда-COLL-PL

Это диминутивный, а не коллективный показатель:
джудуз-чукь-ла
звезда-DIM-PL

4. С. 262, (3.29) :
жұмыртқас-ы-н – неправильная разбивка
яйцо-3-ACC

жұмыртка-сы-н
яйцо-3-ACC

ал-май-ды ... – неправильная разбивка и глоссы
братъ-NEG-PST

ал-ма-йды ...
братъ-NEG-PRS

5. С. 266 (3.36)

кёр-е-ме
видеть-ST.IPFV-1SG – имперфективная основа – ОК! А почему тут это вдруг основа, а во всех остальных случаях Вы её не выделяете?

кёр-е-ме
видеть-PRS-1SG

6. С. 349, (4.60):

ala-m – неправильная сегментация и анализ
братъ-1SG

al-a-m
братъ-PRS-1SG

Есть отдельные опечатки, например:

- С. 266: Как отмечается, в ряде случаев – Как отмечается, в ряде случаев
Данный факт согласуется с идеей – Данный факт согласуется с идеей
деривационного подхода с образованию – деривационного подхода к образованию
С. 276: Мф предполагаем, что критерий – Мы предполагаем, что критерий
С. 293: предполагает две возможных структуры – предполагает две возможные структуры.

Все замечания, высказанные выше, являются дискуссионными, они никак не влияют на общую самую высокую оценку данной очень интересной работы, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук, которая несомненно станет образцом для проведения последующих исследований лингвистической композициональности в частных филологиях, надеюсь, в том числе и на материале других тюркских и, шире, алтайских языков.

Рецензируемая диссертация полностью соответствует пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании проведенных автором исследований разработаны теоретические положения, которые можно квалифицировать как научное достижение, и решены научные проблемы, имеющие важное значение для типологического и теоретического направления языкознания.

Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК, полностью отражают ее основное содержание. Работа содержит новые научные результаты и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку.

Таким образом, рецензируемое диссертационное исследование полностью отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а его автор П.В. Гращенков заслуживает присуждения искомой ученой степени

доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Сектора языков народов Сибири Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИФЛ СО РАН)

И. А. Невская

И.А.

СВЕДЕНИЯ ОБ ОППОНЕНТЕ

диссертационной работы **П.В. Грашенкова** «КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Фамилия, имя, отчество оппонента	Невская Ирина Анатольевна
Шифр и наименование специальностей, по которым защищена докторская диссертация	10.02.02
Ученая степень и отрасль науки	доктор филологических наук
Ученое звание	приват-доцент (ассоциированный профессор) Берлинского свободного университета
Полное наименование организации, являющейся основным местом работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИФЛ СО РАН)
Занимаемая должность	г.н.с.
Почтовый индекс, адрес организации	630090, г. Новосибирск, ул. академика Николаева, 8
Телефон	(383) 330-15-18
Адрес электронной почты	ifl@philology.nsc.ru

Список основных публикаций по теме диссертации:

1. Nevskaya I. A., Nasilov, D. M., Isxakova, X. F. Chapter 18. Taxis in Turkic languages // Typology of taxis constructions / Viktor S. Xrakovskij (ed.) LINCOS Studies in Theoretical Linguistics 58 - München: Lincom. 2016. P. 571-609.
2. Nevskaya I. A. Chapter 4. Inclusive and Exclusive in Altaic languages // Transeurasian Linguistics: Critical Concepts in Linguistics. Volume III. Morphosyntax. / Martine Robbeets (ed.) - London: Routledge. 2016. P. 115-128.
3. Nevskaya, I. A. 2016. The Lord of Lords and King of Kings – a Superlative Construction in Turkic Languages // Eine hundertblättrige Tulpe — Bir Èadbarg IÁla. Festgabe für Claus Schönig [Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker: Band 22] / Ingeborg Hauenschield, Matthias Kappler, Barbara Kellner-Heinkele (eds.) Berlin: Klaus Schwarz, 2016. P. 332-344.
4. Nevskaya I.A. Prospective in Turkic languages. // Ankara papers in Turkish and Turkic Linguistics. [Turcologica 103]. Zeyrek, D., Şimşek, Ç. S., Atas, U., Rehbein, J. (Eds). - Harrassowitz: Wiesbaden, 2015. P. 630-637.
5. Nevskaya I.A., Tazhibaeva, S. 2015. The Category of Prospective in Modern Kazakh. In: Ankara papers in Turkish and Turkic Linguistics. [Turcologica 103]. Zeyrek, D., Şimşek, Ç. S., Atas, U., Rehbein, J. (Eds). Harrassowitz: Wiesbaden. 658-667.
6. Interpreting Runic sources and the Altay corpus / I. A. Nevskaya and M. Erdal (eds.) Berlin: Klaus Schwarz Verlag. 2015. 260 p.
7. Невская, И. А. Результативные второстепенные предикаты в тюркских языках // Сибирский филологический журнал, 2015. № 2. P. 84-94.
8. Nevskaya, I. A., Locational and directional relations and tense and aspect marking in Chalkan, a South Siberian Turkic language // On Diversity and Complexity of Languages

- Spoken in Europe and North and Central Asia (Studies in Language Companion Series) / Pirkko Suihkonen and Lindsay Whaley (eds.) Amsterdam, Philadelphia. 2014. P. 67-90.
9. Nevskaya I. A. Chapter 12. Innovations and archaisms in Siberian Turkic spatial case paradigms // A Transeurasian historical and areal perspective Paradigm Change in the Transeurasian languages and beyond / Martine Robbeets, Walter Bisang (eds.) München: John Benjamins. 2014. P. 257-286.
  10. Erdal Marcel, Nevskaya Irina, Nugteren Hans, Rind-Pawłowski Monika. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1 : Texte und Glossar. Wiesbaden: Harrassowitz. 2013. 252 p.
  11. Windhouwer, M., Petro, J., Nevskaya, I. A., Drude, S., Aristar-Dry, H. Gippert, J. Chapter 15. Creating a Serialization of LMF: The experience of the RELISH project // LMF Lexical Markup Framework / Gil Francopoulo et al. (ed). London : Wiley-Blackwell, 2013. P. 215-226.
  12. Nasilov D. M., Isxakova X. F., Nevskaya I. A. Chapter 15. Concessive constructions in Turkic Languages // Typology of Concessive Constructions / Viktor S. Xrakovskij (ed.) LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 50. Lincom: Europe. 2012. P. 387-412.
  13. Невская, И. А. Категория инклюзива и эксклюзива в алтайских языках // Вестник Томского ГУ, 2012, Том 1 (116). С. 75-81.
  14. Memtimin A., Nevskaya, I. A. Depictive secondary predicates in Modern Uyghur // Turkic languages. Volume 16, 2012, Number 1. P. 80-94.

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Сектора языков народов Сибири Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Институт филологии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИФЛ СО РАН)

И. А. Невская

И. А. Невская

